УДК 81.42

DOI 10.23951/1609-624X-2020-5-19-26

КСЕНОНИМ-ИНТЕРПРЕТАТИВ МАФАНЬ В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ КИТАЯ

О. В. Орлова, Ван Юаньин

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Изучены ксенонимы-интерпретативы в сетевом дискурсе русскоязычной диаспоры Китая как репрезентанте русской лингвокультуры, ориентированной в область китайской культуры. Ксенонимы-интерпретативы имеют полноценные лексические соответствия в языке-реципиенте, не отмечены этнокультурной маркированностью в матричном языке и служат восприятию, пониманию и интерпретации иностранной языковой и социокультурной реальности диаспоральным сообществом.

Цель. На основе рассмотрения одного из наиболее распространенных в изучаемом дискурсе китаизмов – ксенонима *мафань* – проследить механизмы лингводискурсивной адаптации, а также особенности функционирования ксенонима-интерпретатива в публичной интернет-коммуникации русскоязычного сообщества Китая.

Материал и методы. Материалом исследования послужили более 500 текстов сетевой коммуникации русскоязычной диаспоры Китая, включающие ксеноним-интерпретатив *мафань*. Вместе с методологическим инструментарием интерлингвокультурологии, теории заимствования и лексической семантики используются приемы контекстологического и дискурс-анализа, а также корпусной и квантитативной лингвистики.

Результаты и обсуждение. Ксеноним-интерпретатив *мафань* при вхождении в сетевой диаспоральный дискурс и адаптации в нем, в том числе графической, претерпевает значительные семантические, деривационные, стилистические, морфолого-синтаксические трансформации, демонстрируя на всех этих уровнях крайне высокую степень подвижности и вариативности. Анализ вариантов письменной фиксации показал доминирование написания китаизма в соответствии с нормативной транскрипционной системой записи кириллицей китайских имен, наряду со значимым количеством некодифицированных и иероглифических написаний. При приспособлении ксенонима к специфике морфолого-синтаксического строя русского языка также наблюдаются его значительная грамматическая вариативность и факты включения в процесс окказионального словообразования. В ходе анализа данных словарей, а также корпусных и иных данных об употреблении лексемы в аутентичной речевой среде выявлено большое количество различных по членоречивой принадлежности и семантике эквивалентов лексемы при ее переводе, а также наличие книжной и этикетной стилистической окраски в китайском языке, не сохраняющейся при вхождении в русскоязычное неформальное общение. Анализ фактов метаязыковой рефлексии по поводу ксенонима, а также совокупности контекстов его употребления в гипертексте диаспорального дискурса обнаружил наличие в русском языке семантической и стилистической лакуны, которую восполняет ксеноним *мафань* как универсальное понятие, обозначающее неприятную, доставляющую дискомфорт деятельность или ситуацию.

Заключение. В результате проведенного анализа составлен нуждающийся в дальнейшей доработке проект методики комплексного анализа ксенонима-интерпретатива в сетевом диаспоральном дискурсе.

Ключевые слова: сетевой дискурс русскоязычной диаспоры Китая, ксенонимы-интерпретативы.

Введение

Сетевой дискурс русскоязычной диаспоры Китая является репрезентантом особого варианта современного языка русского зарубежья, кардинально отличающегося как от иных диаспоральных версий русской лингвокультуры, так и от языка русских в Китае прошлых волн эмиграции (см. подробнее: [1, 2]). Ключевой лингвокультурной и дискурсивной особенностью интернет-коммуникации русскоязычных, проживающих в Китае, является ее ориентированность в область китайского языка и культуры, а тематической доминантой – рецепция и интерпретация китайской бытовой и социокультурной действительности коллективом диаспоры.

По указанным причинам вербально-семантический облик диаспорального дискурса, в нашем случае – лаовайского (по самоназванию участни-

ков дискурса: лаовай (老外 *laowai*) – иностранец), определяет постоянно пополняемый и солидный по объему вокабуляр инолингвокультурный субстрат. Вслед за основателем интерлингвокультурологии В. В. Кабакчи мы называем инолингвокультурным субстратом «такие элементы текста, появление которых объясняется влиянием языка описываемой иноязычной культуры», а «наименования элементов иноязычных („внешних“) культур» [3, с. 53] – ксенонимами.

В составе инолингвокультурного субстрата сетевого дискурса русскоязычной диаспоры Китая выделяются две основные разновидности ксенонимов: ксенонимы-реалии и ксенонимы-интерпретативы. «Если ксенонимы-реалии являются знаками безэквивалентных, исходно этноспецифичных явлений и понятий иноязычной действительности, то

ксенонимы-интерпретативы имеют полноценные лексические соответствия в языке-реципиенте, не отмечены этнокультурной маркированностью в матричном языке и служат восприятию, пониманию и интерпретации иностранной языковой и социокультурной реальности диаспоральным сообществом» [2, с. 29].

Цель данного исследования – на основе рассмотрения одного из наиболее распространенных в рамках изучаемого дискурса китаизмов – ксенонима *мафань* – проследить механизмы лингводискурсивной адаптации, а также особенности функционирования ксенонима-интерпретатива в публичной интернет-коммуникации русскоязычного сообщества Китая, в качестве результирующей представив prospect методики комплексного анализа ксенонима-интерпретатива в сетевом диаспоральном дискурсе.

Материал и методы

Основным материалом исследования стала обширная и ежедневно пополняющаяся сетевая переписка участников открытой группы «Байки лаовая» (<https://vk.com/cnlaowai>) социальной сети «ВКонтакте». На момент написания статьи в группе из более 50 тыс. подписчиков, существующей с 2013 г. и презентующей свой контент как *Невыдуманные истории о жизни иностранцев в Китае. Пишем сами!*, создано более 16 400 постов (развернутых текстов разной жанрово-тематической приуроченности), каждый из которых, как правило, сопровождается многочисленными (в большинстве случаев их наблюдается более 100) комментариями участников. Кроме того, к анализу привлекались тексты, размещенные на других интернет-площадках, предназначенных для общения и информирования русскоязычных в Китае и о Китае: материалы Магазеты – интернет-издания о современном Китае (<https://magazeta.com>), блоги на платформах Live Journal и «Восточное полушарие» (<https://china-cat.livejournal.com/13826.html>; <https://radion-gz-china.livejournal.com/543208.html> <https://polusharie.com>), фрагменты пользовательской переписки на форуме электронного Большого китайско-русского словаря (<https://bkrs.info>) и некоторые другие источники.

Наряду с методологическим инструментарием интерлингвокультурологии, теории заимствования и лексической семантики, анализ основывался на сочетании приемов контекстологического и дискурс-анализа, а также корпусной и квантитативной лингвистики.

Результаты и обсуждение

По предварительным данным, как показывает количественный анализ гипертекста сообщества

«Байки лаовая», в интернет-коммуникации русскоязычных в Китае лексема *мафань* является вторым по частотности ксенонимом после *чабуду* (см. подробнее: [2]). Она встречается совокупно, включая словообразовательные дериваты, 394 раза в различных вариантах письменной фиксации.

Каковы эти варианты и каково их количественное распределение? Высокий в целом уровень языкового образования участников диаспорального комьюнити, в большинстве своем имеющих опыт институционального обучения китайскому языку в университетах и языковых школах, обуславливает доминирование среди форм письменной фиксации иноязычного неологизма формы с использованием «общепринятой и фактически единственной системы записи китайских имен собственных в русском языке» [4, с. 101] – Палладиеской системы («палладицы»), разработанной «в конце XIX в. русским ученым-синологом Петром Ивановичем Кафаровым (в монашестве – архимандритом Палладием) <...> специальной транскрипционной системы для записи кириллицей китайских имен собственных, а также непередаваемых культурных реалий» [5, с. 68]. Таких примеров обнаружено 242. Вот некоторые из них, наиболее ярко формирующие предварительное представление о семантике анализируемого ксенонима в дискурсе-реципиенте (здесь и далее тексты приводятся в оригинале): *Я когда в Пекине жила тоже постоянно куда-то ехать хотела, то туда, то сюда – это конечно все мафань, очень стресс и вообще от лукавого; Сейчас вообще с гостиницами мафань. Нигде не хотят селить по приемлемым ценам, а отправляют в дорожку; В институте, кстати, к старостам относились никак, просто люди, у которых лишний мафань; просто инстинктивно китайские официанты полагают, что лаовай = мафань.*

Вторым по частотности вариантом является запись в соответствии с исходной установкой интуитивной фонетической транскрипции «как слышится, так и пишется», что, вследствие весьма существенных различий русской и китайской фонетических систем, зачастую порождает многочисленную вариативность некодифицированной и нестандартизированной транскрипции китайского слова. Так, ксеноним 差不多 *chabuduo* в русскоязычном неформальном письменном общении, помимо нормативного, по правилам палладицы, написания *чабуду*, имеет ряд неканонических кириллических версий: *чабудуо*, *чабудуо* и т. д. (см. подробнее: [2]). В случае же *мафань*, по причине наблюдающегося в фонетическом составе этого слова случайного соответствия китайских и русских согласных и гласных звуков, имеется лишь один вариант некодифицированного написания, обусловленный восприятием русским фонетическим слухом ко-

нечного согласного как твердого (напомним, китайскому языку не присуще противопоставление согласных по твердости/мягкости). Вариант *мафан* встречается в анализируемом текстовом континууме 69 раз: *Иван, не у всех эти программы есть а вичат¹ уверена есть у всех кто в Китае. Пусть это мелочь, но лично для меня мафан скачивать что-то еще; <...> в прошлом году только из-за того, что необходимо было гарантийное письмо делала визу через агентство в пекине, абсолютно не мафан; В ШЧ² плохие пляжи, только те которые уже за городом нормальные, но туда ехать мафан; Перепрыгиваю через двухметровый забор, потому что иначе во двор не попасть, основные ворота закрываются в восемь, а до обходных идти минут пять, это лютей мафан и т. д.*

На третьем месте по частотности – запись в форме иноязычного вкрапления в иероглифическом исполнении. Таких случаев наблюдается немало – 66, что свидетельствует как об уже упоминавшемся общем относительно высоком уровне владения членами диаспоры китайским языком, так и об уверенном навыке компьютерного набора данного конкретного иероглифического сочетания посредством клавиатурного ввода, а следовательно, о его освоении вторичными языковыми личностями пользователей-билингвов: *Знаю, что жизнь каждого, кто связан с Китаем, полна событий, хлопот и всевозможных 麻烦; А вот селедка для меня уж очень 麻烦! Заказать, ждать, готовить «шубу», а потом за 5 минут съесть!!!; В Украину что-то отправлять это целая 麻烦; Просто взять и создать 麻烦 на ровном месте.*

Еще один возможный вариант написания данного слова в виде вкрапления посредством использования китайского алфавита «пиньинь цзыму», в котором «для записи слов китайского языка путунхуа используются 25 латинских букв и пять надстрочных диакритик» [6, с. 128], *máfan* используется в единичных случаях в составе метаязыковых комментариев: *Знаю – дурная привычка, но невозможно не использовать такие слова, как chabudio или mafan! Не может родная лексика точно передать их суть.*

Как бы ни был адаптирован и освоен ксеноним в принимающем дискурсе, а следовательно, той или иной форме существования заимствующего языка, вплоть до литературного, за ним всегда «стоит» его, ксенонима, семантика и прагматика, стилистическая и этнокультурная (если она имеется) коннотация в матричном языке, языке-источнике. Применительно к ксенонимам-интерпретативам это еще более справедливо. Другое дело, что в

случае ксенонимов-интерпретативов исходная смысловая и функционально-стилистическая нагруженность, а также грамматические показатели под влиянием коммуникативных и языковых условий принимающей дискурсивной среды претерпевают значительные трансформации в процессе семантико-стилистической, морфолого-синтаксической, словообразовательной и лингвокультурной адаптации ксенонима в дискурсе-реципиенте.

Вербальный прототип ксенонима *мафань* 麻烦 является весьма частотной лексемой в китайском узуальном употреблении, фигурируя как в разговорной речи, так и в текстах художественного, научного и публицистического стилей, о чем свидетельствуют данные онлайн-корпуса китайского языка (<http://www.cncorpus.org>), зафиксировавшие включение анализируемого слова (всего в корпусе 323 таких включения) в тексты всех книжных стилей за исключением официально-делового. При этом выраженной этнокультурной маркированности лексемы не отмечено, что и является важной характеристикой ксенонимов-интерпретативов, в отличие от ксенонимов-реалий.

Что же касается особой функционально-стилистической нагрузки, то данная лексема входит в состав устойчивых конструкций китайского речевого этикета и может быть переведена как *извините* или *прошу прощения* в различных контекстах: *麻烦你 (mafan ni) – могу я Вас побеспокоить? А не затруднит ли Вас?* Это вежливая форма, с ее помощью говорящий признает беспокойство, которое причиняет собеседнику, и одновременно извиняется за доставляемые неудобства.

При переводе на русский язык анализируемое слово вызывает ряд трудностей вследствие, во-первых, многоплановости его смыслового содержания, во-вторых, вариативности частеречной принадлежности как его оригинала в языке-источнике, так и его переводных коррелятов в языке-реципиенте. По мнению специалистов по переводу, «в китайском языке дифференциация частей речи в значительной мере обусловлена синтаксической функциональностью языковых единиц, в том числе их сочетаемостью <...>, нередко одна и та же единица может быть отнесена то к существительным, то к глаголам – в зависимости от контекста», а «разница грамматических строев двух языков обуславливают актуальность замены частей речи при переводе текстов» [7, с. 105–106].

Данные двух электронных словарей – электронного Большого китайско-русского словаря (<https://bkrs.info>) и авторитетного среди переводчиков словаря Glosbe (<https://ru.glosbe.com/zh/ru>) – демонстрируют большое разнообразие возможных вариантов перевода китайской лексемы словами различных частей речи – синонимами и не синонима-

¹ Вичат – популярный китайский мессенджер.

² Шэньчжэнь – крупный китайский город, расположенный на побережье Южно-Китайского моря.

ми, объединенными семантикой в той или иной степени неприятной, доставляющей дискомфорт деятельности или ситуации (табл. 1).

Таблица 1

Варианты перевода китайской лексики 麻烦 на русский язык

Глагол	Прилагательное	Существительное
Беспокоить	Беспокойный	Беда
Взволновать	Досадный	Горе
Волновать	Надоедливый	Затруднение
Встревожить	Неприятный	Злоключение
Затруднять	Плохой	Неприятность
Надоедать	Раздражающий	Несчастье
Обеспокоить	Скучный	Проблема
Обременять	Сложный	Сложности
Потревожить	Трудный	Трудности
Суетиться	Тягостный	Хлопоты
Тревожить	Хлопотливый	
	Хлопотный	

Участники дискурса в своих метаязыковых комментариях неоднократно отмечают отсутствие однозначного и адекватного аналога китаизму в родном языке, его популярность в собственном речевом обиходе и активность в деле распространения лексической новации в частном круге общения: *И понятия не имеешь, почему в русском языке до сих пор еще не ввели в речевой оборот заменяющие вообще все слова, без которых уже, кажется, невозможен простой диалог; она говорит про незаменимое «мафан» <...> очень удобно произносить наряду с русскими словами, конечно; Про мафань прям правда. Оно у меня постоянно в обиходе, уже все родные из России по скайпу знают что это; лично я использую из своего личного удобства слово «мафань»; А я жить не могу без «мафань»: «Это такая мафань!!!», «Ооо, какая мафань!», «Чуть-чуть мафань» и т. д. В России тоже говорю, народ привык, уже выучили это слово, понимают и лишних вопросов не задают; Когда мафан выступает как наречие, его сложно заменить русским словом; я вот до сих пор не могу подобрать адекватный перевод <...> слову «мафань»; жизни без этого слова я представить себе не могу, да и не только я; Не может родная лексика точно передать их суть; Я бы целую главу написала про мафан, ведь в русском языке нет точного перевода. Хлопотно – похожее, но редко очень употребляется; <...> встречают милые сердцу слова, типа «мафань» и утверждают, что адекватной замены в русском нет.*

Как видим, в текстах-рефлексах преобладают следующие важные для говорящих мотивации использования ксенонимического новообразования в собственном речестроении. Первый аргумент – это ощущение семантической лакуны в родном языке, успешно восполняемой освоенным китаизмом (об-

зор различных подходов к понятию языковой лакуны и лакуарности см. в [8]). Здесь обратим внимание на открытую, даже декларативную (*почему в русском языке до сих пор еще не ввели; сложно заменить русским словом; не могу подобрать адекватный перевод; не может родная лексика точно передать; в русском языке нет точного перевода; адекватной замены в русском нет*) позицию «наивных лингвистов» по поводу лексического пробела в родном языке, легитимизирующего употребление иноязычия и делающего его незаменимым (в приведенном выше иллюстративном материале четыре слова с общим приставочно-корневым сегментом *замен-*). Четко осознаваемое наличие «белого пятна на семантической карте языка» (выражение Ю. С. Степанова [9]) стимулирует «лингвистический прозелитизм» говорящих – желание внедрить удачную с их точки зрения лексическую новацию в собственную коммуникацию даже вне диаспорального сообщества (*уже все родные из России по скайпу знают что это; В России тоже говорю, народ привык, уже выучили это слово, понимают и лишних вопросов не задают*).

Второй аргумент обусловлен субъективными интенциями участников дискурса, особенностями их языкового вкуса, речевыми привычками и пристрастиями. Это аргумент удобства и насущной потребности: *очень удобно произносить; использую из своего личного удобства; у меня постоянно в обиходе; я жить не могу без; жизни без этого слова я представить себе не могу; милые сердцу слова*. Отметим, что в отношении анализируемой лексики удобство ее употребления частично объясняется артикуляционно-фонетическим комфортом произношения слова русскоговорящими.

Безусловно, первый и второй аргументы тесно сопряжены друг с другом – восполнение лексической лакуны с помощью ксенонима гармонизирует общение. Когда же участники дискурса пытаются семантизировать китаизм и подобрать ему адекватный эквивалент в родном языке, они обнаруживают не только лексическую, но и стилистическую лакуарность: *а насчет мафань – это иногда и не переведешь прилично; мне не хочется туда ехать – такой геморр это поручение; мафань – это значит «проблема, косяк, напряг», но смысл конечно поглубже; я часто перевожу мафань как «несрастушки» или «залипуха», иногда для особо официальных случаев «затруднения» или «неудобства»; мафань – скорее напряг, а не косяк; мафань – напряг, напряжно, хлопотно, затруднительно*. Нетрудно заметить, что наиболее приемлемыми, по мнению переводчиков-любителей, вариантами перевода выступают здесь элементы русского языкового субстандарта – жаргона и просторечия. В то же время необходимость перехода в официальный

или нормативный регистр общения как бы частично элиминирует смысловое наполнение китайского слова, осознающегося, по сравнению с его русскоязычными коррелятами, наделенным более универсальным, объемно-обобщающим значением – и в семантическом, и в стилистическом отношении: *Такое слово как мафань (麻烦) – универсально. Его можно использовать, наверное, в любой ситуации.* Однако стоит отметить, что такая стилистическая функция, как упоминаемая выше акцентуация вежливости в китайском речевом этикете, практически абсолютно игнорируется коллективом диаспоры в его виртуальном общении.

Процесс грамматической адаптации ксенонима в изучаемом дискурсе также обнаруживает явные признаки неоднозначности и нестабильности. Это проявляется в поливалентной вариативности морфологических показателей лексемы в ходе приспособления к морфолого-синтаксическому строю принимающего языка.

Грамматическая аморфность китайского языка, в котором неизменяемое слово в зависимости от его синтаксической позиции и контекста способно выступать в функции различных частей речи (см. об этом выше), частично способствует частеречной вариативности ксенонимической новации в русскоязычном употреблении. Так, в своей исходной форме (*мафань, мафан, 麻烦*), без словообразовательных трансформаций, данная вербальная единица выступает в русскоязычном тексте в роли существительного и наречия.

Роль существительного наиболее органична слову, фонетический облик которого в обоих вариантах русифицированного произношения и написания (*мафань, мафан*) воспринимается как существительное мужского рода в двух возможных редакциях (как *конь* и *обман*) или как существительное женского рода (как *жизнь*). В контекстах, в которых говорящие вынуждены, подчиняясь грамматическим правилам родного языка, определиться с родовой принадлежностью употребляемого ими иноязычия, чаще всего фигурируют согласованные определения, призванные усилить и актуализировать ядерный смысловой компонент определяемого существительного: *большой мафан, лютый мафан, кремешный мафан, конкретный мафан, лишний мафан/мафан/麻烦, несуетный мафань, огромный мафань, большая мафань, жуткая мафань, целая 麻烦*. Однако самой распространенной коллокацией подобного типа (35 случаев) становится сочетание с указательным местоимением *такой/такая* в свойственной этому местоимению в неформальном общении (см. об этом [10]) интенсифицирующей функции: *такой мафан/мафань, такая мафань*. Добавим, что при грамматической атрибуции слова говорящие отдают предпочтение

мужскому роду: при возможности альтернативной атрибуции в случае *мафань* соотношение составляет 73 к 15 в пользу мужского рода.

Примеров употребления ксенонима в роли наречия намного меньше и связаны они по преимуществу с коммуникативной потребностью или обозначить признак выраженного глаголом действия (*ножками топать мафань; далеко ехать 麻烦*), или создать сочетание с наречиями меры и степени (*чуть-чуть, очень, слишком*).

Однако именно потребность употребления неолексемы в наречной функции – одно из оснований в целом невысокой (например, в сравнении с описанным ранее *чабудо* [2]) деривационной активности анализируемого заимствования. В изученном гипертексте среди словообразовательных новообразований выявлено 6 наречий (*визу получать было очень мафанно, путешествовать довольно мафанно* и др.), 5 прилагательных (*процесс оформления мафаный, мафанное это занятие* и др.) и 3 глагола (2 глагола *мафанить* в метаязыковых комментариях и 1 глагол *мафаниться*). Полагаем, что низкая включенность ксенонима *мафань* в процесс окказионального словотворчества объясняется присущим ему в исходной первичной форме – в роли существительного и реже наречия – свойством «широкого покрытия» возможных синтаксических позиций при речестроении.

В то же время крайне любопытными представляются случаи, хотя их всего два, наделения флексией иероглифических вкраплений (*Все равно успели нажать кучу сложностей и 麻烦ей; Местную еду готовить проще и быстрее, нет 麻烦-ня*), что подчеркивает желание пишущих вовлечь используемое в речи китайское слово в русскую словоизменительную матрицу, тем самым не только употребив иероглифы в парольной и идентифицирующей функции маркера общения между «своими», но и одновременно как бы присвоив, «одомашнив» символы чужой письменности с помощью грамматических показателей родного языка, а следовательно – родной культуры.

Закключение

Рассмотрение особенностей функционирования ксенонима *мафань* в публичной интернет-коммуникации русскоязычного сообщества Китая позволяет составить prospect методики комплексного анализа ксенонима-интерпретатива в сетевом диаспоральном дискурсе.

Ксенонимы-интерпретативы, аккумулируя смысловые признаки восприятия и интерпретации иностранной действительности русскоговорящим сообществом, при вхождении в сетевой диаспоральный дискурс и адаптации в нем, в том числе графической, претерпевают значительные семан-

тические, деривационные, стилистические, морфолого-синтаксические трансформации, демонстрируя на всех этих уровнях крайне высокую степень подвижности и вариативности.

Анализ разновидностей графической фиксации слова дает представление об обусловленной особенностями письменных и звуковых систем языка-источника и языка-реципиента, а также установками нормативной и ненормативной практической транскрипции с одного языка на другой вариативности форм записи ксенонима, о количественном распределении кодифицированного и некодифицированных вариантов записи, об уровне языковой подготовки пользователей-билингвов и их речевых предпочтениях.

Анализ семантических и стилистических трансформаций основывается, в частности: 1) на изучении и обобщении данных авторитетных двуязычных словарей о спектре возможных эквивалентов лексемы при ее переводе; 2) рассмотрении корпусных и иных данных о специфике функционирования слова в языке-источнике для ответа на вопрос о стилистических свойствах и этнокультурных коннотациях (если они имеются) слова в аутентичной речевой среде; 3) скрупулезном анализе фактов метаязыковой рефлексии по поводу слова, а также совокупности контекстов его употребления в гипертексте дискурса для выявления обновленных и значительно трансформировавшихся, по сравнению с исходными, актуальных значений ксе-

нонима, наряду с обретенными им в принимающем дискурсе стилистическими и этнокультурными компонентами смысла. Обнаружение исследователем и(или) самими членами диаспорального сообщества (что отражается в комментариях-рефлексивах) семантической и(или) стилистической лакуарности при употреблении ксенонима, разносторонний анализ обнаруженного пробела в лексической системе родного языка значительно обогащают и уточняют выводы о семантических и стилистических характеристиках слова, функционирующего в диаспоральном дискурсе, а также о мотивационных стимулах к внедрению ксенонима в речевой оборот и активному его использованию.

Анализ процесса грамматической адаптации ксенонима, а также его деривационной активности в принимающем дискурсе свидетельствует как о вариативности морфологического оформления ксенонима-китаизма, так и о его участии в окказиональном словотворчестве в условиях не ограниченного нормами языкового стандарта неформального интернет-общения представителей русской лингвокультуры в поле влияния китайской.

Безусловно, данный prospect методики анализа ксенонима-интерпретатива в сетевом диаспоральном дискурсе носит предварительный характер и нуждается в масштабной доработке в ходе дальнейших научных изысканий.

Список литературы

1. Орлова О. В. Лаовайский сетевой жаргон: китайский язык и культура в рецепции русскоязычных экспатов (введение в тему) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2018. Вып. 2 (191). С. 103–108.
2. Орлова О. В. Ксенонимы-интерпретативы в сетевом дискурсе русскоязычной диаспоры Китая (на примере ксенонима ча-будо) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2020. Вып. 2 (208). С. 29–36.
3. Кабакчи В. В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб., 2007. С. 51–70.
4. Коряков Ю. Б. Создание практических транскрипций для южнокитайских топонимов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, № 5. С. 101–110.
5. Дворцова А. Н. Китайские заимствования в русском языке // Взаимодействие языков и культур: Материалы VI междунар. науч. конф. Череповец, 2017. С. 63–69.
6. Алексахин А. Н. Взаимодействие иероглифического и звукобуквенного стандартов слова китайского языка путунхуа // Вестн. МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10). С. 128–135.
7. Цин В. Частеречная трансформация при переводе текста художественного стиля с русского языка на китайский (на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот») // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта ім. І. П. Шамякіна. 2018. № 2 (52). С. 104–110.
8. Акай О. М. Интерпретации лакуны и лакуарности как системного явления // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 246–250.
9. Степанов Ю. С. Французская стилистика. М.: Высш. шк., 1965. 355 с.
10. Сатюкова Д. Н., Воейкова М. Д. Особенности функционирования местоимения такой в устной разговорной речи // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2010. Т. 6, № 2. С. 184–224.

Орлова Ольга Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Ван Юаньин, аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: wangyuanying823@yandex.com

Материал поступил в редакцию 07.07.2020.

DOI 10.23951/1609-624X-2020-5-19-26

XENONYM-INTERPRETATIVE МАФАНЫ IN NETWORK DISCOURSE OF THE RUSSIAN-SPEAKING DIASPORA OF CHINA

O. V. Orlova, Wang Yuanying

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. This research is devoted to the study of xenonyms-interpretatives in the network discourse of the Russian-speaking diaspora of China as a representative of the Russian linguistic culture, which is focused in the area of Chinese culture. Xenonyms-interpretatives have full-fledged lexical correspondences in the recipient language, are not marked by ethno-cultural marking in the matrix language and serve the perception, understanding and interpretation of foreign language and socio-cultural reality by the diaspora community.

Aim and objectives. The purpose of the study, based on the consideration of one of the most common in the analyzed discourse xenonym мафань, is to trace the mechanisms of linguistic and discursive adaptation, as well as the peculiarities of functioning of xenonym-interpretative in public Internet communication of the Russian-speaking community in China.

Material and methods. The material of the research is more than 500 texts of network communication of the Russian-speaking diaspora community of China, including xenonym-interpretative мафань. Together with the methodological tools of interlinguoculturology, borrowing theory and lexical semantics, the methods of contextual and discourse analysis, corpus and quantitative linguistics are used.

Results and discussion. Xenonym-interpretative мафань when entering and adapting in the network diaspora discourse, including graphic adaptation, undergoes large semantic, derivative, stylistic, morphological-syntactic transformations, demonstrating at all these levels an extremely high degree of mobility and variability. The analysis of written fixation variants showed a substantial dominance of spelling according to the normative transcription system of Chinese names written in Cyrillic alphabet, along with a significant number of and hieroglyphic writings. When the xenonym is adapted to the specifics of the morphological and syntactic structure of the Russian language, its significant grammatical variability and facts of inclusion in the process of occasional word formation are also observed. The analysis of dictionaries data, as well as corpus and other data about the use of the word in the authentic speech environment revealed a large number of different in semantics and parts of speech affiliation equivalents of translation, but also the presence of book and etiquette stylistic coloring in the Chinese language, not preserved in the Russian-speaking informal communication. Analysis of the facts of metalanguage reflection on the xenonym, as well as the totality of contexts of its use in the hypertext of diaspora discourse revealed the presence of a semantic and stylistic lacuna in the Russian language, which is filled by the xenonym мафань as a universal concept that denotes unpleasant, discomforting activity or situation.

Conclusion. As a result of the research, a project of the methodology of complex analysis of the xenonym-interpretative in the network diaspora discourse has been compiled.

Keywords: network discourse of the Russian-speaking diaspora of China, xenonyms-interpretatives.

References

1. Orlova O. V. Laovayskiy setevoy zhargon: kitayskiy yazyk i kul'tura v retseptsii russkoyazychnykh ekspatov (vvedeniye v temu) [The laowai network jargon: the Chinese language and culture in the reception of Russian expats (introduction to topic)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2018, no. 2, pp. 103–108 (in Russian).
2. Orlova O. V. Ksenonimy-interpretativy v setevom diskurse russkoyazychnoy diaspory Kitaya (na primere ksenonima chabudo) [Xenonyms-interpretatives in network discourse of the Russian-speaking diaspora of China (the study of xenonym чабудо)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2020, no. 2, pp. 29–36 (in Russian).
3. Kabakchi V. V. Tipologiya teksta inoyazychnogo opisaniya kul'tury i inolingvokul'turnyy substrat [Typology of the foreign language text descriptions of culture and other language cultural substrate]. *Lingvistika teksta i diskursivnyy analiz: traditsii i perspektivy* [Linguistics of text and discourse analysis: traditions and prospects]. Saint Petersburg, 2007. Pp. 51–70 (in Russian).
4. Koryakov Yu. B. Sozdaniye prakticheskikh transkripcij dlya yuzhnokitayskikh topolektov [Creation of the practical transcriptions for the South Chinese topolects]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2012, vol. 154, no. 5, pp. 101–110 (in Russian).
5. Dvortsova A. N. Kitayskiye zaimstvovaniya v russkom yazyke [Chinese borrowings in Russian]. *Vzaimodeystviye yazykov i kul'tur: Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Interaction of languages and cultures: Materials of the VI International Scientific Conference]. Cherepovets, 2017, pp. 63–69 (in Russian).
6. Aleksakhin A. N. Vzaimodeystviye ieroglificheskogo i zvukobukvennogo standartov slova kitayskogo yazyka putunkhua [Interaction of the hieroglyphic and sound-letter standards of the Chinese word Putunhua]. *Vestnik MGIMO – MGIMO Review of International Relations*, 2010, no. 1 (10), pp. 128–135 (in Russian).
7. Qing W. Chasterechnaya transformatsiya pri perevode teksta khudozhestvennogo stilya s russkogo yazyka na kitayskiy (na materiale romana F. M. Dostoyevskogo “Idiot”) [Parts of speech transformation in the translation of the text of artistic style from Russian to Chinese (on the material of the novel F. M. Dostoyevsky “Idiot”)].

sian into Chinese (on the material of Dostoevsky's novel "The Idiot"). *Vestnik Mazyrskaga dzyarzhaynaga pedagogichnaga universiteta – Mazyrsk Pedagogical University Bulletin*, 2018, no. 2 (52), pp. 104–110 (in Russian).

8. Akay O. M. Interpretatsii lakuny i lakunarnosti kak sistemnogo yavleniya [Lacunae and lacunarity interpretation as a systemic phenomenon]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Baltic Humanities Journal*, 2019, vol. 8, no. 3 (28), pp. 246–250 (in Russian).
9. Stepanov Yu. S. *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1965. 355 p. (in Russian).
10. Satjukova D. N., Voeikova M. D. Osobennosti funktsionirovaniya mestoimeniya takoy v ustnoy razgovornoy rechi [Specific functions of the pronoun 'such' in spoken Russian]. *Acta linguistica petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2010, vol. 6, no. 2, pp. 184–224 (in Russian).

Orlova O. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061). E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Wang Yuanying, Postgraduate Student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061). E-mail: wangyuanying823@yandex.com